

Михаил Боярский: «Хочу и дальше жить азартно»

Анатолий МЕЛИХОВ

Михаил Боярский отметил юбилей. Одному из самых известных актеров исполнилось 55 лет. Он по-прежнему работает в театре Ленсовета, снимается в кино и поражает всех постоянством своего имиджа: широкополой шляпой и темными очками. Наш корреспондент встретился с юбиляром.

— Михаил Сергеевич, вы не изменяете Санкт-Петербургу — не переезжаете в Москву, как это сделали многие ваши коллеги...

— Я коренной ленинградец. После войны мы все — родители, бабушка, старший брат и я — жили в коммунальной квартире на Гончарной улице, недалеко от Московского вокзала в 16-метровой комнате. Хорошо было! Кроме нас там жили еще 3 семьи, вода была холодная, а вместо парового отопления печка. Я не знал, что бывает по-другому, и мне все нравилось! Только потом мы получили 2-комнатную квартиру.

— Сейчас у вас есть прекрасные апартаменты на набережной Мойки, рядом с Эрмитажем.

— Да. Для своих домочадцев я смог создать условия, когда они ни в чем не знают недостатка: ни в еде, ни в питье, ни в одежде, живут в хорошей квартире, имеют возможность путешествовать по миру, ходить на самые престижные премьеры.

— Жить в достатке в семикомнатной чудо-квартире — это ли не протест против стесненных условий жизни вашей молодости? Знаю, сыну вы сознательно приобрели дорогую машину «Крайслер», когда он еще учился в музыкальной школе.

— Считаю, что поступил правильно. Сын должен иметь абсолютно все, чтобы не отвлекало его от главного: от учебы и самосовершенствования.

— Чем занимаются дети?

— Лиза второй год учится в театральном институте на курсе Льва Додина. У нее есть азарт, желание стать актрисой. Она тоже родилась за кулисами театра, знает все его тайны, но сумеет ли проявить свою индивидуальность — покажет, как ни банально это звучит, время. Лиза у нас натура эмоциональная. Сергей, как и положено парню, более сдержанный, даже скрытный. Но тем не менее записал и сейчас выпускает в продажу пластинки, где он автор музыки, слов и исполнитель песен. Сейчас у Сережи такой период, что он хочет попробовать себя во всем. Например, учиться у Владимира Бортко на режиссуре. Но актером, клянется, не станет никогда. Насмотревшись, видимо, на мой тяжелый труд, он понял, что ему работать в таком ритме не по силам. И он, конечно, прав. Я могу пахать 24 часа в сутки и подряд несколько недель.

— Нормальные 7–8 часов ежесуточного сна — это для вас из разряда утопии?

— Когда у меня спокойная жизнь, когда я дома, то раньше полчетвертого утра спать не ложусь. В квартире уже давно тихо, я досматриваю последние передачи, пью кофе с молоком, проглатываю снотворное, которым забыты мои карманы, беру недочитанную книгу — сейчас это «Фа-

Анатолий МЕЛИХОВ

уст» Гете, — и приходит сон. Если надо встать в 8 утра, значит, встаю в 8 и никаких проблем не испытываю. В сон меня тянет чудовищно в 5–7 часов вечера. Если есть спектакль или концерт, я себя, естественно, перебарываю.

— К концертам, спектаклям как-нибудь готовитесь?

— Никогда и никак. Я просто знаю, что сегодня спектакль — и этого мне достаточно. Я могу играть в шахматы, читать анекдоты в журнале, разговаривать о футболе, но стоит меня вызвать на сцену — и все, я готов.

— Расскажите, наконец, историю о том, как вы получили роль Д'Артаньяна в фильме «Д'Артаньян и три мушкетера».

— Режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич на роль гасконца утвердил Александра Абдулова, весьма удачно прошедшего кинопробы. Я же опаздывал на пробу Рошфора. Прямо из аэропорта, быстро переодевшись в костюмерной «Мосфильма» мушкетером, помчался в павильон. Я тяжело дышал, глаза мои сверкали от гнева на самого себя — так утверждали те, кто меня видел в этот момент. На студии воцарилась тишина — так, видимо, съемочная группа выразила свое восхищение. Режиссер без всяких проб отдал мне предпочтение.

— Рассказывают, что энергия ваша была ключом — делали лишние прыжки с пятнадцати метров высо-

ты без дублеров. А, отчаянно фехтуя, наткнулись на шпагу «противника» и проткнули себе верхнее небо?

— Тогда за каскадерский трюк платили по 50 рублей. Я был молод, хотелось «напрыгать» на хороший стол в «Арагви», чтобы угостить своих новых друзей, в частности Сашу Абдулова. Но зря старался — оплачивался только первый прыжок. А со шпагой было очень серьезно... Острый клинок не дошел до мозга 1,5 см. Очнулся я в реанимации. Опасаясь самого худшего, вызвали мою маму. Однако через неделю я сбежал из больницы на съемки.

— Говорят, в Москве вы за одну ночь работаете в 3–4 казино?

— Пою в казино Москвы и не вижу в этом ничего зазорного. Выступая перед людьми, я получаю удовольствие и, надеюсь, доставляю удовольствие публике, судя по аплодисментам. Зарабатывая хорошие деньги, я получаю свободу.

— Не верю, что после концерта не заходите в игровой зал и не играете в рулетку. Большие деньги оставляете?

— Придерживаюсь нормы. Как, впрочем, и в выпивке.

— Жизнь заставила отказаться от любимой русской привычки. Тяжело это далось?

— И вспоминать не хочу. Кодирования не помогали — только сила воли. Живу с ощущением, что чего-то

важного в жизни лишился. Без алкоголя жизнь вся в черно-серой гамме... Но привыкаю. Может, до следующего своего скорого поезда, а пока хочу пожить на своей станции.

— Вы преклонялись перед «Битлз» еще в 60-х годах, летом вы побывали на концерте Пола Маккартни. Ваши ощущения?

— «Битлз» — это божественное проявление, оказавшееся в одно время и в одном месте — в маленьком английском портовом городишке. Каждый в отдельности они значат гораздо меньше, чем все вместе, — как разжатый кулак! Когда они распались, это стало очевидным. Джон и Пол — просто фантастика. А при поддержке Ринго и Джорджа — чудо. «Битлз» — это полная гармония, совпадение поэзии, музыки, молодости, азарта, тембра. Это явление так никто точно и не смог объяснить.

Что касается Пола Маккартни, то он, как мне кажется, лучший композитор последнего столетия. И то, что я имел честь встретиться с этим человеком и слушать его концерт, для меня — апогей моих музыкальных пристрастий. Лучшего я ничего не встречал в своей жизни. Я с ним общался два дня. Подтвердилась истина — чем талантливее человек, тем он скромнее.

— Многие к вашей внешности относятся с иронией. Как сложился ваш имидж?

— Это получилось спонтанно — после того, как я начал петь романтические песни из «Трех мушкетеров», «Собаки на сене». Если мне надоеет мой образ, все сброшу, и даже побреюсь наголо... «Умей быть новым, не будучи странным!» — так говорили философы в древности. Был однажды приглашен на день рождения к Владимиру Владимировичу Путину. Пришел без шляпы — в модном костюме и при галстуке. «Почему без шляпы?» — спросил Владимир Владимирович. — Будь таким, какой ты есть».

— Вы упомянули нашего президента. Я слышал, что вы с ним на дружеской ноге...

— Наши отношения скорее приятельские. Но дружба... Дружба — вещь редкая, эксклюзивная. Когда Путин работал заместителем питерского мэра, наше общение было теплым, ненавязчивым, товарищеским. Мы говорили о футболе, театре, погоде, о чем угодно.

— Как вы называете президента?

— Конечно, Владимир Владимирович.

— А он вас — Михаил Сергеевич?

— Нет, я для него Михаил. Однажды он меня попросил: «Не называй меня Владимир Владимирович». Я ответил, что пойму, когда это можно будет сделать.

— Что вы желаете себе в свои зрелые 55?

— Зреть и дальше. Грустно становится, что нет уже многих — и Олега Даля, и Олега Ефремова, Высоцкого. Тех, кого помнит мир. Как Пушкин писал: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я Лирой пробуждал». Это Пушкин, а я — что... пою в своем Отечестве. Мне достаточно, чтобы хотя б не проклинали... И чтобы дети, и внуки были бы счастливы.